

**ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
ГУМАНИЗМ VS ПОСТГУМАНИЗМ**

**МАТЕРИАЛЫ XV
МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

**22.04
23.04
2016**

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ШАНИНКО

МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ
ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И
ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Векторы развития современной России

Гуманизм vs постгуманизм

Материалы XV Международной
научно-практической конференции
молодых ученых

22–23 апреля 2016 года

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2016

УДК 3
ББК 60
В 26

Оргкомитет
*Варвара Аралова, Валерия Ветошкина, Татьяна Гусева, Евгения Зайцева,
Марфа Лекайя, Наталья Литилина, Александр Рожков, Николай Юмачиков*
Составитель
Наталья Литилина

В 26 Векторы развития современной России. Гуманизм vs постгуманизм. Материалы XV Международной научно-практической конференции молодых ученых. 22–23 апреля 2016 года : сборник материалов / под общ. ред. М. Г. Пугачевой. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. — 312 с.

ISBN 978-5-4469-1017-5

В сборнике представлены доклады участников XV Международной научно-практической конференции молодых обществоведов, посвященные понятию «гуманизм» в современной науке, вопросам, где он сегодня востребован и может быть обнаружен.

Для научных работников и специалистов, аспирантов и студентов в области социально-гуманитарных наук.

ISBN 978-5-4469-1017-5

© ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук», 2016

Корректор А.С. Семёнова
Оригинал-макет А.А. Хромов
Дизайн обложки А.А. Хромов

Подписано в печать 23.11.2016. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 19,5. Тираж 80 экз. Заказ № 734

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

«У НАС НА БАЛКОНЕ В ИЮНЕ 1937 ГОДА». ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ ФОТОГРАФИИ ИЗ БЕРЛИНА В АРХИВЕ МОСКОВСКОЙ СЕМЬИ*ЕЛЕНА ПУКИТА*

Московская высшая школа социальных и экономических наук

Значение проработки семейной памяти мне видится прежде всего в том, чтобы зафиксировать состояние «как есть» предметов-носителей семейной памяти на сегодняшний день, рассказать об этом младшим в семье и критически рассмотреть собственную ностальгию, что является делом скорее интимным. Фотографии, о которых пойдет речь, — это, во-первых, история моей семьи, частная и неприметная, о которой, тем не менее, хотелось бы составить для себя представление предельно детальное. Приходится отметить, что в прошлом частных лиц, как оно зафиксировано рассматриваемыми в данном тексте снимками и связанными с ними записками, мало места для торжества ценностей гуманизма. Скорее, это история про то, как в трудные времена в условиях непосредственной угрозы жизни и потери ответственности отдельным людям совершенно не удалось сохранить межличностные связи — приятельские, родственные, соседские, — и про то, как в ФРГ на государственном уровне и силами общественных инициатив, таких как проект Гюнтера Демнинга «Камень преткновения»¹, стараются компенсировать поломанное. Про то, что же таким людям, как моя бабушка, выбравшим стратегию «упаковал чемоданы и остался в живых», удалось сохранить самостоятельно от своей идентичности «бывшего берлинца» в Москве. Сразу скажу, бабушка сохранила в кругу семьи фрагменты своих индивидуальных воспоминаний, в процессе воспитания детей и внуков — некоторые досуговые и образовательные практики и отчасти билингвизм. Второе, что кажется важным, это контекстуализация семейной памяти, попыт-

¹ Вслед за табличками на мостовой Гюнтера Демнинга возникли и другие проекты: например, видеоролики «Услышь камни преткновения!» в архиве радиостанции SWR. К производству роликов по принципу «Одно имя — одна судьба — один голос» приглашена была публика. Пример такого способа реконструировать судьбу — коллаж из фотографий с пятиминутным рассказом о судьбе жившего здесь до времен национал-социализма человека. URL: <http://www.swr.de/video-portraet-koffer-gepackt-und-ueberlebt/-/id=116/did=14880394/nid=116/on09ap/index.html> (Дата обращения: 8.11.2016)

ка понять, как личная биография моей бабушки перекликалась с событиями прошлого, нашедшими отражение в культуре. Здесь любого начинающего исследователя семейной истории подстерегает опасность мифологизации, подтягивания известных про родню фактов под эстетически привлекательный и социально одобряемый канон. Но этот риск сосуществует с шансом «сохранения живой и правдивой памяти» в процессе конфронтации с разными версиями реконструкции событий¹. В-третьих, рассматриваемые изображения являются примером репрезентации пространства города в любительских фотографиях. Снимки сделаны в межвоенные годы на берлинской лоджии, о которой Вальтер Беньямин писал, что в начале XX века здесь то и жил бог города, а также проходила граница жилища берлинца². В-четвертых, с точки зрения краеведа, вероятно, любопытно то, что здания с «нашим» балконом больше не существует. Сайт города Берлина³ сообщает, что адрес Gervinusstr. 24 присвоен входу в гостиницу. При непосредственном осмотре местности в августе 2016 года выяснилось, что в гостинице расположен также ресторан «Штирлиц». На мостовой перед гостиницей установлено несколько «каменей преткновения» с именами жертв национал-социализма, проживавших по этому адресу.

Для анализа отобраны четыре фотографии Регины Марковны Уроевой (в девичестве — Гершанович/Гершонович/Gerschonowitz)⁴ (1922–2006). На фотокарточках запечатлены моменты юности в Берлине, пережитые девушкой, которая впоследствии стала преподавательницей иностранного языка в советском вузе. Хотелось разобраться, как представляют прошлое берлинские фотографии 1937 года, хранящиеся в архиве московской семьи. Здесь приведены цифровые копии. Оригиналы отпечатаны на бумаге Agfa Lupex, формат изображения для группового снимка в интерьере непривычно мелкий, примерно 2,5 x 3,5 см, и, вероятно, объясняется режимом экономии, в котором велось домохозяйство после болезни и недавней смерти кормильца, деда Регины. Фотокарточки объединены единством места и времени

¹ О рисках и шансах сохранения памяти живой см.: Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М: НЛЮ, 2014. С. 268–272.

² Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков. М.: Ad Marginem; Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2012.

³ URL: <https://www.berlin.de/ba-charlottenburg-wilmersdorf/ueber-den-bezirk/geschichte/stolpersteine/artikel.359800.php> (Дата обращения: 8.11.2016)

⁴ Далее — Регина.

съемки и празднованием дня рождения как поводом (или одним из поводов) для фотографирования. Снимки, безусловно, любительские, ведь они сделаны в домашней обстановке, для частного применения, а не для публикации в прессе или использования в документообороте учреждения. Кроме того, с точки зрения профессионального фотографа, в выстраивании технического образа имеются недочеты (например, в том, как на некоторых изображениях падает свет, как выбран фон). Уверенность, что снимки сделаны в Берлине, основана на дополнительных источниках: на неопубликованных воспоминаниях Регины и косвенных признаках каждой фотографии как артефакта. Непосредственно на изображениях нет почти ничего, чтобы атрибутировать их как отснятые именно в Берлине. Однако запечатлены некоторые детали повседневности, которые при сопоставлении с другими визуальными и текстовыми источниками предстают как маркеры «берлинского» быта в противовес «московскому», во всяком случае, для Регины.

«Архив московской семьи» — условное название способа хранения рассматриваемых изображений. Массив фотографий Регины хранился не как целостное и единообразно упорядоченное собрание, а разрозненно; после замужества Регины в 1943 году даже в двух разных домохозяйствах: частично — в квартире Регины и ее мужа, оставшееся — у ее родителей. Снимки лежали в закромах, порой «всплывали» во время уборки, становились предметом беседы, потом о них снова забывали. Ко мне фотографии попали через несколько лет после смерти Регины, когда умер ее старший сын В. М. Уроев (1953–2011), проживавший по одному московскому адресу с матерью. «Московскость» семьи тоже не абсолютна. География мест проживания людей, хранящих эти фотографии и объединенных кровным родством или брачными узами, широка: Украина, Москва, Берлин, Прибалтика, Ленинград, Челябинск, Уфа, Монголия — и это только то, о чем мне известно. Я не знаю, например, где родился человек, наиболее склонный в этом семействе к систематизации хранящихся бумаг и книг, а также имевший соответствующие навыки и пронумеровавший часть фотографий, — муж Регины, М. Г. Уроев (1898–1966).

Прошлое представлено посредством визуальной фиксации фрагмента детства Регины в Германии (1927–1937).

«Немецкость» воплощена в архиве на этих и других фотографиях следующим образом: а) языковыми особенностями: немецким языком, на котором сделаны подписи к снимкам на их оборотах; а в иных

случаях — «корявым» русским тринадцатилетней москвички, с пяти лет живущей в Берлине, например, как в тексте подписи к фотографии: «*Это в Чехословацкий купальний. 2.7.35*»; б) почтовым штемпелем из Берлина на обороте фотокарточки, отправленной без конверта; в) «несоветскими» именами изображенных девушек: *Lori, Ingelene*; г) почти все фотографии Регины из Германии (в этом сете — все) на обороте так или иначе брэндированы: водяными знаками помечен тип фотобумаги (*Agfa Lurex*), в то время как советские фотографии родственников в семейном архиве выполнены на фотобумаге без маркировки; типографским образом отмечено место печати снимков и указан номер оттиска подобно тому, как указывается номер типографского бланка. Например, один снимок отпечатан в знаменитом универмаге в центре Берлина и имеет на обороте бланк почтовой карточки и типографскую пометку «*KaDeWe, 207317*»; другой был отпечатан в курортном местечке *Vad Orb*; на паспорту указано имя зарегистрированного владельца фотоателье; фотографии с подобными пометками хранятся сегодня в фотоархивах, о которых доступна информация в сети Интернет. В результате снимок нетрудно привязать к месту его печати. Перечисленные признаки встречаются в разных сочетаниях на немецких фотографиях Регины; рассматриваемым четырем снимкам свойственны лишь несколько из перечисленных черт: немецкий язык, иностранные имена подруг, тип фотобумаги, датировка началом лета 1937 года.

Методика описания фотографий опирается на опросники с веб-сайтов «Уроки истории» и «Euro cleo»¹. При обработке семейного архива и осмыслении способов конструирования семейной памяти был полезен материал, подготовленный сотрудниками архива истории ГУЛАГа². Для уточнения деталей применялись эгодокументы Регины. Так, из открытки, направленной ею из Берлина родителям, известен московский адрес проживания семьи в 1937 году. Другие детали взяты из единственной сохранившейся записи дневника Регины от 30 декабря 1937 года и из воспоминаний, написанных в 2006 году. Для оценки степени типичности рассматриваемых источников

¹ How to work with visual sources? URL: <http://www.forumhistoriae.sk/euroclio/methodology.html> (Дата обращения: 8.11.2016); Как работать с историческими источниками? Рекомендации европейской ассоциации учителей истории Euroclio. URL: <http://urokiistorii.ru/learning/method/2225> (Дата обращения: 8.11.2016)

² Козлова А., Блинкина О., Бувина Г., Островская И. «Документальная память»: работа с семейным архивом. URL: <http://urokiistorii.ru/history/routine/2009/12/semeiny-arkhiv> (Дата обращения: 8.11.2016)

проанализированы опубликованные мемуары и фотографии ровесниц моей героини, учившихся, как и Регина, некоторое время в московской школе им. Карла Либкнехта. Отобраны материалы, касающиеся жизни девочек, детство которых пришлось на 1920–1930-е годы и прошло частично в СССР, а частично — за рубежом.

К сожалению, я вынуждена признать, что жизненного пути никого из изображенных на фотографиях — кроме собственной бабушки Регины — мне проследить не удалось. Поиск по фамилиям на генеалогическом сайте www.ancestry.com обнаружил только обрывочные сведения. Самым убедительным источником оказались телефонные книги Берлина тридцатых годов XX века, в которых отображена информация одновременно об имени, профессионально-имущественном статусе и адресе на момент публикации справочника за определенный год. В результате на данном этапе исследования приходится ограничиваться в основном информацией из семейного собрания записок и фотокарточек и сравнивать имена и топографические данные со сведениями из телефонных книг.

На фотокарточках девочки-подростки и пожилые дамы. Один персонаж объединяет их в сет, — Регина, которая привезла эти снимки в том же 1937 году из Берлина в Москву. Остальные изображенные приходятся Регине подругами или входят в круг ее семьи.

Про пожилых родственниц Лену и Веру известно немного. Лена — Елена Борисовна, жена деда Регины (вторым браком, не кровная родственница Регине) на рис. 1.01 сидит за чашкой (чая). Стоящая несколько позади сестра Елены Борисовны Вера приехала в Берлин на время из Прибалтики. Фотография с Верой и Леной без Регины не подписана, — возможно, планировалось передать карточку сыну Елены Борисовны в Москве. Родной сын Елены Борисовны, как и Регина, работал в послевоенные годы в МГПИИЯ им. М. Тореца.

Рис. 1.01

Рис. 1.02. Оборот фото 1.02, надпись: «5.6.1937 с Леной и Верой»

Родственница из того же поколения Дина (Аня?) Вайнштайн упомянута в воспоминаниях Регины в главке «Родственники деда»:

У деда был брат-близнец, но он с ним не общался, очевидно, из-за того, что они по-разному относились к религии. Дед был приверженец Льва Толстого и не ходил в синагогу. Его брат был активным членом еврейской общины и занимал в ней какой-то пост. У него была дочь Рахиль и две ее дочери. Он не признавал ни дочь, ни внучек, не общался с ними, не помогал им, несмотря на то, что они жили тоже в Берлине и им было материально тяжело. Девочкам Ане и Дине было лет 20–25. Аня была темненькая, Дина — блондинка. Обе были симпатичные. У Дины был жених-немец. Он учился на врача, и они собирались жениться, когда он кончит учебу, т. е. в том году, но Гитлер пришел к власти и женитьбы немцев с евреями были запрещены. Перед моим отъездом они надеялись, что их вызовут в Америку. (...) Кажется, их фамилия была Weinstein (...) Они к нам приходили всегда на праздник Хануку — единственный праздник, который Дед праздновал по всем еврейским правилам: ел неделю мацу вместо хлеба, был праздничный стол с родственниками (Рахилью, Диной и Аней) и молитвами.

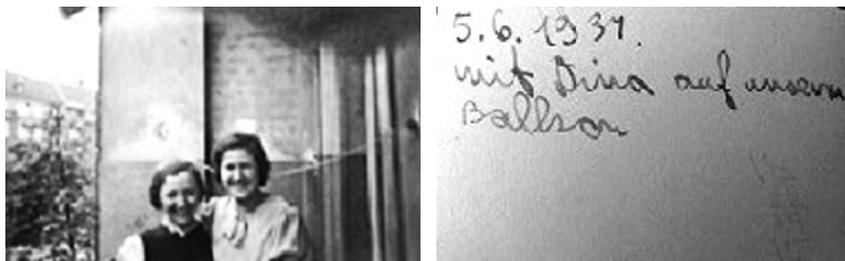

Рис. 1.03. Надпись на обороте фото 1.03: «С Диной на нашем балконе»

Девушка на фото кажется мне темноволосой, так что если это и дочь Рахили Вайнштайн, то, возможно, не Дина, а Аня¹.

На следующей фотокарточке Регина запечатлена со школьными приятельницами.

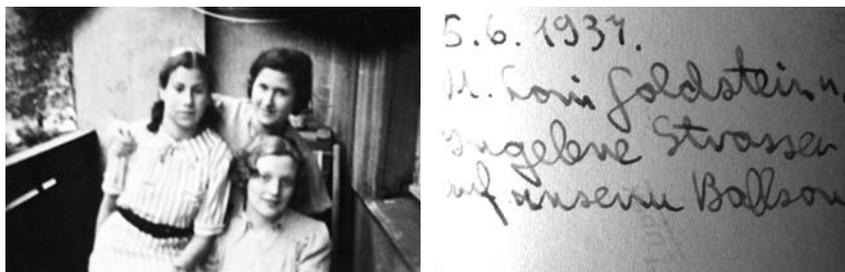

Рис. 1.04 Надпись на обороте: «5.6. 1937 с Лори Гольдштайн и Ингелене Штрассер на нашем балконе»

Ингелене (Ингеборг?) Штрассер — обладательница светлых стриженных локонов. В воспоминаниях Регина называет ее Ингеборг, а фотография подписана как Ingeleene Strasser. Склоняюсь к тому, что девушку звали Ingeleene, т. к. надписи на фото возникли раньше мемуаров; кроме того, Ингелене — менее распространенное имя и припоминается с трудом.

Как и почему к нам примкнула Ingeborg, не знаю. Она была выше нас троих, жила далеко, кажется, в рабочем районе.

Школьная приятельница Лори Гольдштайн на фотографии — в полосатом платье с темным поясом. Жила на соседней Sybelstr., дочь врача еврейского происхождения и домохозяйки немецкого происхождения. В Регинином фотоальбоме есть фотографии и со дня рождения самой Лори, снятые на балконе квартиры ее родителей. В проекте «Камни

¹ В немецких архивах зафиксирован факт урегулирования имущественных правоотношений в послевоенное время людьми из семьи, в которой имена и даты встречаются примерно в тех же сочетаниях, что и в записках моей бабушки.
URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/item/XY3WXANZ4MHR3L7JVO64ZVKTZF4PLKQ> (Дата обращения: 8.11.2016).

В описании единицы хранения немецкого архива упомянута жительница Лондона Rachel Weinstein, урожденная Гершоновитц, очевидно, мама запечатленной на рис. 1.03 Ани, названной в подписи к фото «Дина». Имя Dina Weinstein в описи архивной единицы есть, но указано без места жительства. Архивная единица касается имущества Леона Гершоновитца, и, вероятно, это тот самый деятель еврейской общины в Берлине, брат деда моей бабушки.

преткновения» со ссылкой на список жертв социал-национализма есть много людей с фамилией Goldstein¹, в том числе проживавших на Зибельштрассе. Имени Лори или похожего я не нашла в списках жертв.

Я отбирала фотографии по признаку изображенного на них пространства, меня интересовал балкон. В 1937 году Регина проживала в Берлине с Еленой Борисовной и дедом в арендованной квартире в районе Charlottenbourg.

Судя по письменным воспоминаниям Регины и надписям на обороте фотографий, кадры отсняты в день ее пятнадцатилетия 5 июня 1937 года. Регина (как и, с большой вероятностью, ее одноклассницы) родилась в 1922 году, когда Шарлоттенбург, округ, в котором расположен изображенный на снимках дом, вошел в состав Берлина.

Мы переехали на Gervinusstr. 24 — это был последний дом недалеко от большой площади. Чтобы дойти до фабрики², надо было пройти через эту небольшую площадь и перейти дорогу по Joachim-Friedrichstr. до двора, где была фабрика.

Мы снимали трехкомнатную квартиру в Hinterhof на 2-м этаже. Эту квартиру я хорошо помню.

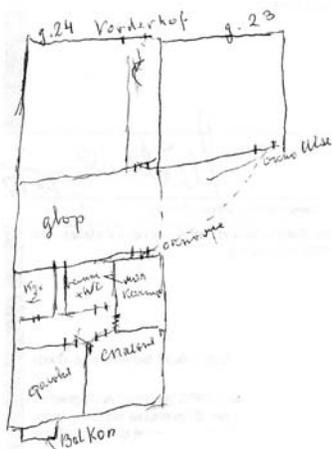

Рис. 2. Гервинусштрассе, дома 23 и 24. План квартиры и путь веревочной почты

¹ Die Liste der jüdischen Einwohner im Deutschen Reich 1933–1945.

URL: http://www.bundesarchiv.de/imperia/md/content/abteilungen/abtr/internet_zu_residentenliste_1_.pdf (Дата обращения: 8.11.2016) — это описание проекта, осуществленного в 2001–2009 гг. Доступ же к списку фамилий — по указанным в документе ссылкам — мной не обнаружен.

² Дед Регины работал управляющим партнером на мыловаренной фабрике.

В соседнем доме № 23 жила моя ровесница еврейка Ilse Braun, в Vorderhaus. И ее и мои окна выходили на двор, и мы протянули веревку и передавали друг другу письма. Перед отъездом она подарила мне свою фотографию с надписью: Der Ewige, der auch Dein Herr ist, wenn Du auch das nicht fühlst oder nicht fühlen willst, sei immer mit Dir und segne Dich¹.

Ильзе не запечатлена на фотографиях анализируемого сета. Но соседство с Ильзе отражено в рисунке Регины, интересном с точки зрения воспоминаний о топографии Берлина и практиках детских игр, с этой топографией связанных. К тому же рисунок показывает расположение зданий, части (балконы) которых есть на фотографиях сета.

Балкон в квартире, арендованной семьей Регины, довольно тесный. Но вмещает стол для чаепитий. Глубина балкона позволяет расположиться от края до смежной с жильем стены двум женщинам стоя. Третья становится во второй ряд. Тут же натянута бельевая веревка. В целом балкон производит впечатление небольшой и вынужденно многофункциональной части квартиры — здесь и миниверсия летней веранды, и хозяйственное помещение для просушки постиранного белья.

При оценке значения фотографий для зрителя тогда и сегодня сперва приходит на ум бытовое обстоятельство: у Регины никогда в жизни больше не будет никакого балкона, ни в московской квартире ее родителей на Б. Почтовой, ни в квартире мужа в доме преподавателя МГУ на Ломоносовском, 14.

Двухкомнатная квартира на Б. Почтовой на пятом этаже: кухня маленькая, ванны не было (потом родители поставили ванну в кухню)², комната проходная, где мы ели, сбоку стояла

¹ «Да пребудет с тобой и благословит тебя Всевышний, который и для тебя Господь, даже если ты этого не чувствуешь или не хочешь чувствовать». (Перевод мой — Е. П.)

² Сходное расположение ванной зафиксировано на макете квартиры из прошлого в музее People's History Museum в г. Манчестер (Великобритания). Совместное рассмотрение этого макета с моими однокурсниками привело меня к наблюдению, что в настоящее время мы воспринимаем такое устройство жилища как нелепость. При демонстрации макета происходит следующее: сперва элемент «ванна на кухне» не замечается — обращает на себя внимание то, что для нас непривычно в быту, но знакомо по картинкам: малозэтажная застройка, подвал, чердак; затем, после привлечения внимания чьим-то замечанием, элемент «ванна на кухне» воспринимается как нонсенс, ошибка зрительского восприятия или ошибка музейных работников.

Однако здесь мне хотелось упомянуть этот макет по нескольким причинам: 1) как пример музейной репрезентации пространства заурядного жилища определенной эпохи, истории быта; 2) как пример того, что «ванна на кухне» — не исключительно советское явление; 3) как пример восприятия явления, бывшего некогда рядовым, но в достоверность которого наш глаз отказывается верить сегодня, когда у нас уже нет опыта непосредственного восприятия той реальности.

кровать для родителей, в другой комнате поставили поперек большой буфет, который разделил ее: справа окно, стол и моя кровать, слева Мурина <младшей сестры Регины — Е. П.>.

Из этого мелкого факта частной жизни одного человека вовсе не следует обобщения, что семьи московских служащих в период с 1937 года по 2006 год якобы обязательно жили стесненнее мелкобуржуазных еврейских семей в гитлеровской Германии. Вернувшись из-за границы, еврейка Регина в сталинской России осталась жива, на что вряд ли можно было бы надеяться, останься она в Германии чуть дольше.

Но подростки, которых, как и Регину, родственники перевозили из страны в страну, столкнулись со специфическими сложностями адаптации в меняющихся условиях жизни. Ребенок-иностранец сначала трудно усваивает чужой язык, весь уклад жизни (как одеваться, как вести себя с окружающими, как приглашать в гости, чем угощать, о чем беседовать с малознакомыми людьми, как осуществлять элементарные повседневные действия, как делить частное и общественное пространство с другими людьми). Затем, по возвращении «домой», и родной город оказывается тоже своего рода чужбиной, где всему надо учиться заново, выстраивать свое поведение как социально приемлемое на непривычных, непонятных основаниях.

В момент фотосъемки эти кадры имели значение только в узком кругу самих запечатленных девушек и дам, их друзей и родственников. Факт существования этих фотографий был положительно окрашен в эмоциональном плане.

Фотографирование в день рождения имеет характер ритуала, праздничного времяпрепровождения. Существенна функция фотокарточки в роли предмета, вручаемого в дар «на память».

В то же время и в Берлине, и в СССР в 1937 году эти фотографии могли стать объектом внимания посторонних, поводом для репрессий со стороны властей или поощряемой (во всяком случае, не возбранявшейся) властями агрессии со стороны соседей.

Вспоминает об опасности «заграничных» фотографий в Москве в 1937 году мемуаристка Лора Беленкина: *«А год между тем шел 1937-й... К нам вечером свалился бледный, с трясущимися руками дядя Ваня. ... рано утром к ним явились трое из НКВД и начали обыскивать комнату ... и наконец в фотоальбоме наткнулись на фотографию брата тети Мели ... в форме солдата*

французской армии. ... Те из НКВД ткнули в него пальцем: “Вот он, Ваш немецкий шпион!” И увели тетю Мелю — и фотографию тоже забрали»¹.

В подтверждение, что и в Берлине контакты с уехавшей в Россию еврейкой не одобрялись, приведу отрывок из воспоминаний Регины:

Первое время я переписывалась... Потом я поняла, что этого делать не стоит, и написала об этом Ingeborg. Она ответила с обидой, что она мне писала, хотя родители это запрещали.

Итак, рассмотренные фотографии — источник по истории берлинской повседневности на момент начала лета 1937 года.

Запечатлены детали быта семьи восточноевропейских евреев (Ostjuden) в период после прихода к власти Гитлера, пример того, что ухудшение жизни евреев в Германии было постепенным процессом, а не катастрофой, разразившейся в одночасье.

Снимки отчасти отражают жилищные условия и практики проведения досуга.

На фотокарточках из семейного альбома и на рисунке по памяти берлинская лоджия доходного дома постройки начала века на момент 1937 года предстает местом, где сушат белье, пьют чай с родственниками и подругами, передают записочки с балкона на балкон, фотографируются, празднуют пятидесятителетие.

Дополнительное значение эти фотографии приобретают в связи с тем, что были привезены в Москву в 1937 году, и при сопоставлении с записками о жизни в Берлине и Москве.

Детство, проведенное еврейской девочкой в Берлине, обусловило для советского человека военного поколения выбор профессии, связанной с иностранным языком. А могло повлечь гибель еще в Германии или стать поводом для репрессий в СССР.

Порой образ прошлого, формируемый в семье, обедняется небезосновательным замалчиванием или «подтягивается» под желаемый вид, безопасный или престижный в данный момент. Часто удобным кажется «общепринятое» прошлое, ничем не выделяющееся, непри-

¹ Беленкина Л. Окнами на Сретенку. М.: АСТ: CORPUS, 2013.

Автор этих воспоминаний родилась в 1923 году в Берлине. В 1931 году переехала в Москву в связи с работой отца. Свой профессиональный выбор связала с областью иностранных языков (так же поступила и Регина). Мне видится в этой судьбе нечто похожее на обстоятельства жизни Регины. Если ставить перед собой просопографические цели, выделять некую социокультурную группу из людей одного поколения, то представляется оправданным объединять воспоминания двух этих женщин в группу схожих источников.

метное, дающее как будто бы возможность сосредоточиться на настоящем.

Мой интерес к прошлому семьи, связанному с бабушкой, — это желание «остановить мгновение», продлить диалог с человеком, рядом с которым я чувствовала себя счастливым ребенком, рядом с которым было легко и интересно учиться читать, говорить на немецком, плавать, шить. Память о Регине — своего рода талисман для меня, нечто, что поддерживает эмоционально, заставляет предпринимать усилия для соответствия представлениям о собственной идентичности с реальностью.

В перспективе представляется заманчивым сравнить фотокарточки из семейного фотоальбома с репрезентацией того же объекта (балкона доходного дома постройки начала XX века) в военной репортажной фотографии, в современном немецком кинофильме, в современной графической новелле, в опубликованных текстах воспоминаний, в Google maps и на 3D-карте Берлина, предлагаемой сайтом города. Для основательного анализа потребовалась бы отдельная статья. Уместным представляется метод почти произвольных параллелей, предложенный культурологом Ириной Глуценко¹. Хотелось бы сравнить берлинский балкон в следующей временной перспективе: на рубеже XX и XIX веков — межвоенный период — WWII — современность, а также по линии *московские балконы и окна vs. берлинская лоджия*.

¹ Глуценко И. Барабанщики и шпионы. Марсельеза Аркадия Гайдара. М., 2015.